

СТАРЫЙ ДЕРЕВЯННЫЙ ДВОРЕЦ И КАМЕННЫЕ ПАЛАТЫ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2009–2011 гг.

© 2013 г. Д.Ю. Бадеев, П.Е. Русаков, Е.В. Майорова

Институт археологии РАН, Москва (denisbadeev@mail.ru)

Ключевые слова: архитектура XVII–XVIII вв., печные изразцы, керамика, ленточно-столбовой фундамент.

The authors publish the results of archaeological investigations in the southwestern area of New Jerusalem monastery, where the remains of foundations and heating constructions from the 17th – 18th cc. have been discovered. We have established that the construction works in the area were conducted in three stages.

В юго-западной части Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря (раскоп 1, 2009–2011 гг.) исследованы остатки нескольких построек второй половины XVII – XVIII в. (рис. 1), представленные фундаментами стен и печей, обгорелыми остатками их деревянных конструкций и пр. (рис. 2). Фундаменты некоторых печей могли относиться к последовательно сменявшим друг друга отопительным сооружениям в рамках одной и той же постройки, стены которой не сохранились или не попали в раскоп. Кроме того, собрана коллекция красноглиняных изразцов и керамических материалов, тесно связанных с историей бытования построек. Исходя из сопоставления полученных материалов с планом 1762 г., на котором обозначено несколько существовавших к тому времени строений (что существенно помогает интерпретировать архитектурные материалы), были выделены две постройки, частично попадающие в раскоп 1 (рис. 3). Постройка 1 представляет остатки Старого деревянного дворца, постройка 2 соотносится нами с Каменными палатами (названия даны по плану 1762 г.). История этих построек неразрывно связана с историей монастыря.

Наиболее ранние археологические объекты, относящиеся к середине XVII – началу XVIII в., зафиксированы в северной части раскопа. Прежде всего, это фундаменты последовательно сменявших друг друга печей в северной части (на плане 1762 г. их нет). Они могли принадлежать постройкам (вероятно, деревянным), стоявшим на месте возведенных в начале XVIII в. Каменных палат. Такая постройка обозначена, например, на чертеже Воскресенского

Ново-Иерусалимского монастыря с окрестностями конца XVII в. (РГАДА. Ф. 1209. Вотчинная записка. № 19 192). Фундаменты этих печей расположены попарно (объекты 49, 81 и 59, 36, 60). В каждой паре один из фундаментов прорезает другой. Конструкции нижележащих фундаментов сходны друг с другом, конструкции вышележащих – тоже. Это позволяет предположить, что печи располагались внутри близких по размеру, пространственной ориентировке и внутренней планировке построек, последовательно сменявших друг друга.

На участке 5 расположены остатки фундамента наиболее ранней печи, внутри сохранившей следы булыжной отмостки (ее подстилает яма, не имеющая четкой датировки из-за отсутствия материала в заполнении). Ее прорезает фундамент печи, вымощенный кирпичом, ориентированным по линии С–Ю. Аналогичный фундамент встречен на участке 6, причем его прорезает конструкция пола более поздней постройки, сгоревшей в пожаре. Этот комплекс объектов перекрывает фундамент самой поздней печи, по ориентировке, конструкции и габаритам сходный с фундаментами печей в Каменных палатах первой половины XVIII в.

К объектам, синхронным печам, можно отнести следы плетня, зафиксированные на участках раскопа 1 в 2010–2011 гг. (рис. 2). Плетень располагался к югу от предполагаемой деревянной постройки середины XVII – начала XVIII в. и был сориентирован по сторонам света, разграничивая территорию между постройкой и монастырской стеной никоновского времени (ее остатки, в виде булыжной

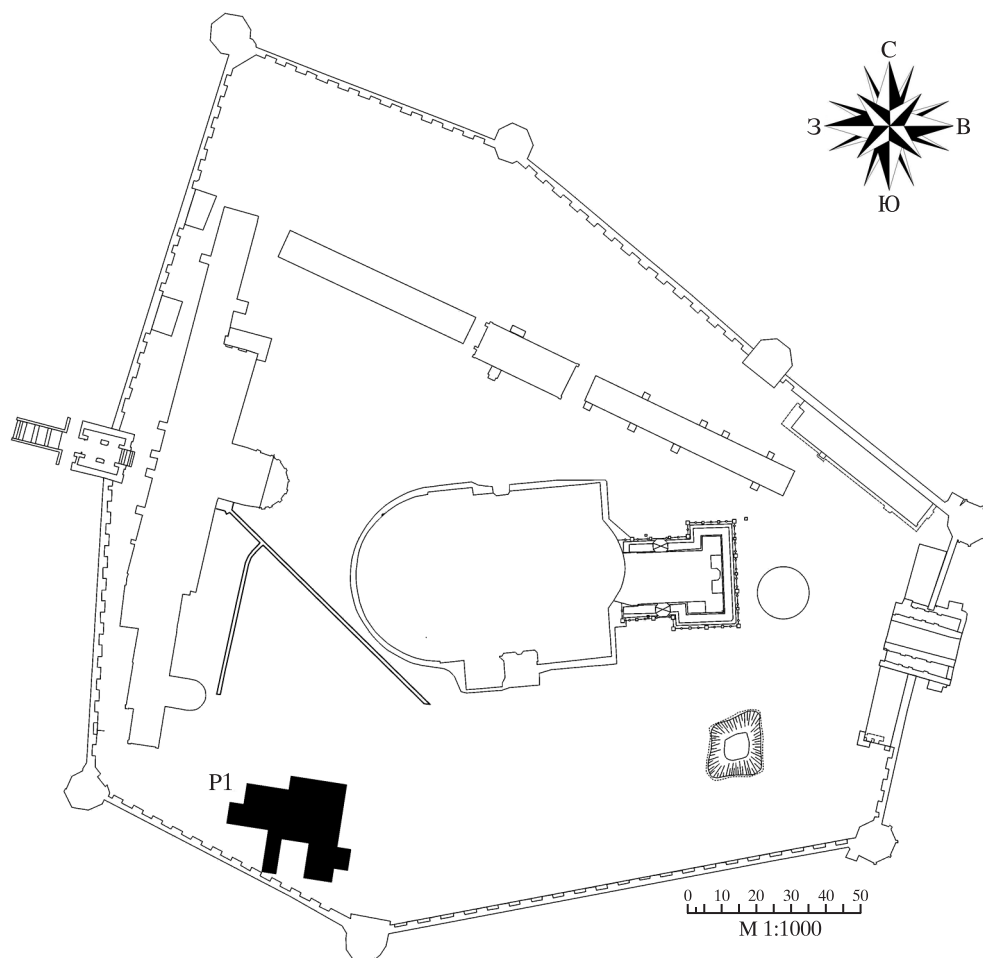

Рис. 1. Схема расположения раскопа 1 на территории Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря.

выкладки склона, зафиксированы в южной части раскопа 1 в 2010 г.).

К описанным выше печам объекта 36 относится практически полный набор терракотовых ковровых изразцов, включая лицевые (68 экз.), вогнутые (для оформления углов) (4 экз.), поясные (6 экз.) и городок (1 экз.). Лицевые изразцы представлены 12 орнаментальными композициями, вписанными в растительно-архитектурную рамку. Рамки – одинаковые, зеркально симметричные относительно вертикальной оси, их части расположены вдоль правой и левой кромок лицевой пластины. При соединении двух изразцов середина вертикальной части рамки образует колонну или вазу, стоящую на растительных завитках. Сверху ваза прорастает секировидными побегами. Центральные композиции состоят из цветочной чашечки-вазы. Всего имеется 12 клейм, которые образуют зеркало печи, соединяясь попарно. Поясные изразцы составляют фриз из птиц; их характерная особенность – высокий рельеф и проработанность мелких деталей (перышки

на крыльях, лапы, плоды и др.). Венчает печь ряд городков в виде ягод-шишечек.

Это не единственный печной набор, собранный на данной территории и характерный для ранней истории монастыря. С объектами (ямами), которые по стратиграфии и керамическому материалу датированы временем до строительства Каменных палат, связано еще несколько наборов. Самый ранний из них – комплект широкорамочных изразцов с изображением льва. Аналогичные изразцы известны в Москве (Розенфельдт, 1968. С. 117. Табл. 20, 8), но местной особенностью является полное отсутствие в наборе перемычек: даже угловые изразцы оформлены просто соединением двух лицевых пластин без дополнительно украшающих угол элементов.

К этому же времени относятся полихромные изразцы, часть которых можно представить как единый комплекс. Рисунок лицевых имеет два варианта орнамента и три варианта сочетания цветов поливы. Центральную часть раппорта образуют крупные цветы двух разных типов, заключенные в

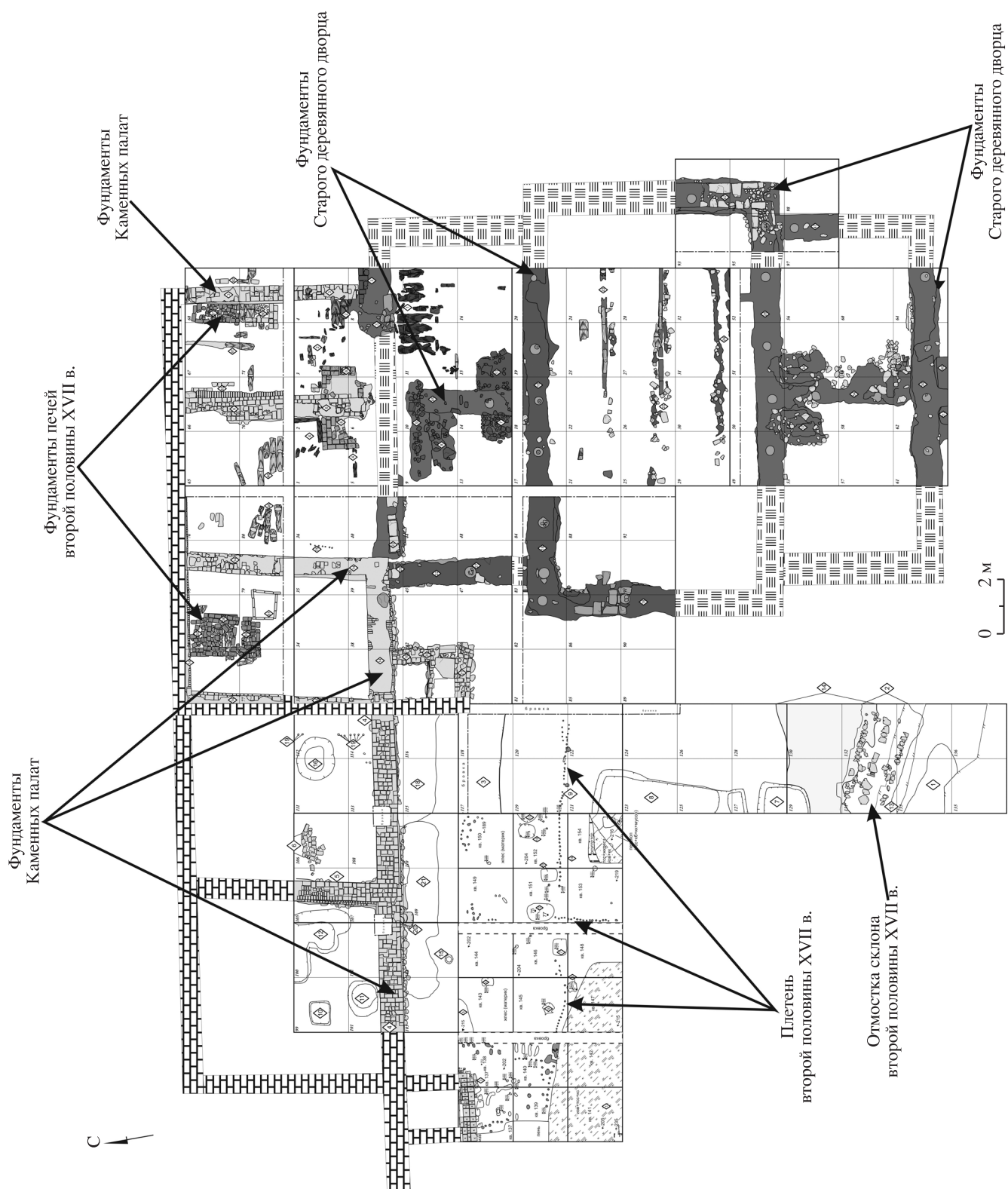

Рис. 2. Сводный архитектурный план построек 1, 2.

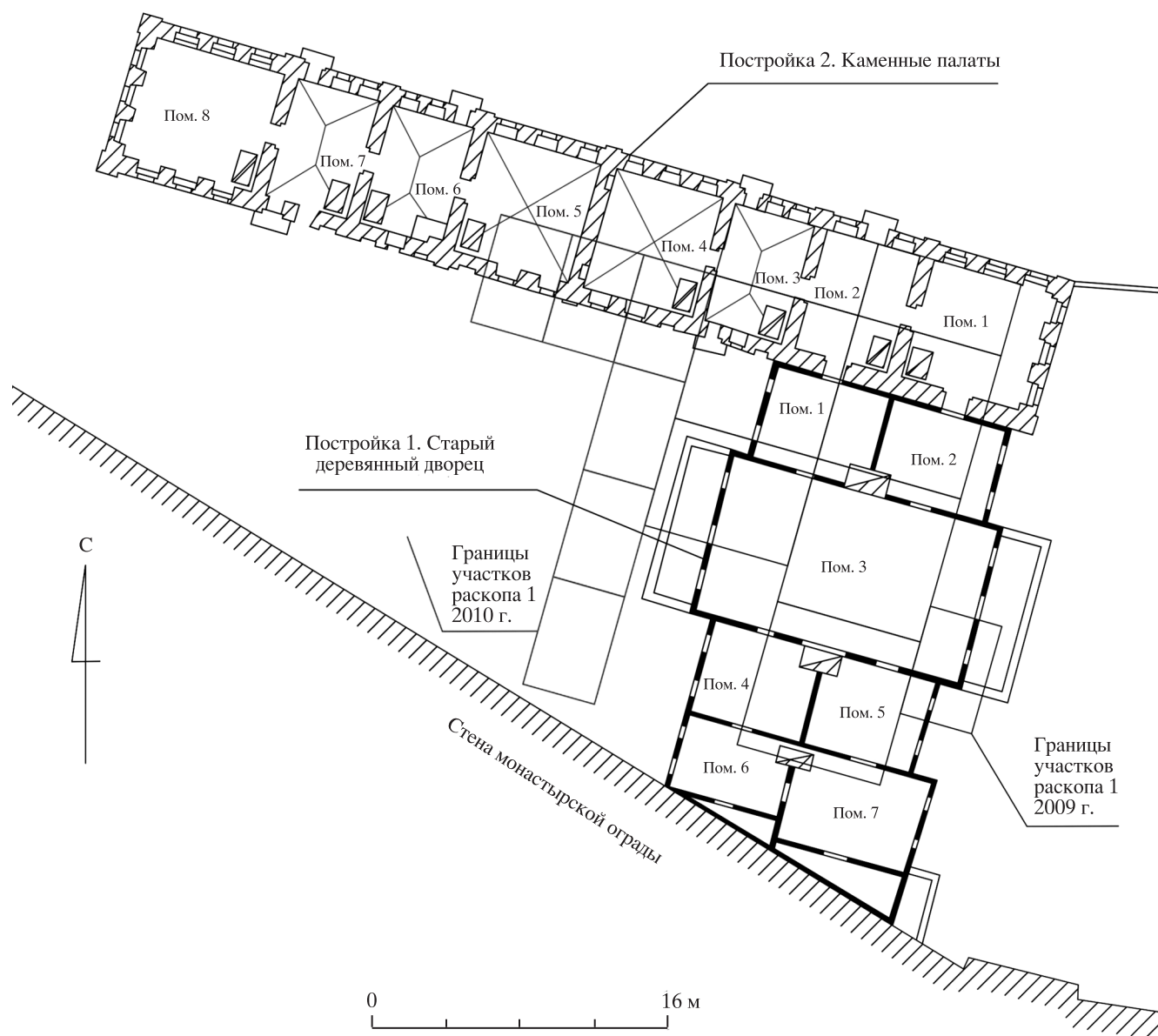

Рис. 3. Схема раскопа 1 и построек 1, 2 на плане 1762 г.

розетку сложной формы, образованную широкими трехчастными лентами. Розетки соединяются только верхними и нижними углами, не соприкасаясь боковыми сторонами. Сверху и снизу розетка заключена в рамку, в центре которой – стилизованный цветок лилии. Зеркало печи образуют ряды изразцов, расположенные со смещением относительно друг друга. Между несколькими рядами лицевых изразцов шел карнизный пояс, деливший печь на две, немного отличающиеся части.

Поясные изразцы несут ленту стилизованного растительного орнамента, раппорт которого состоит из двух широких округлых листьев, между ними на заднем плане виден такой же лист с пятью горошинами, расположенными по его вертикальной оси.

Низ печи оформлен арочными изразцами и ножками. Остальные изразцы, в том числе муравленые, представлены в одном экземпляре.

Для керамики Ново-Иерусалимского монастыря середины – второй половины XVII в. характерно использование красноглиняных формовочных масс в основном с примесью мелкого песка в тесте (37.5% от всего количества¹). Одна из местных особенностей – длительное существование ряда технологических и морфологических традиций, характерных

¹ Для классификации были использованы базовые принципы группировки керамики, разработанные В.Ю. Ковалем (1999. С. 123–130; 2004. С. 21–39) и дополненные с учетом местных особенностей.

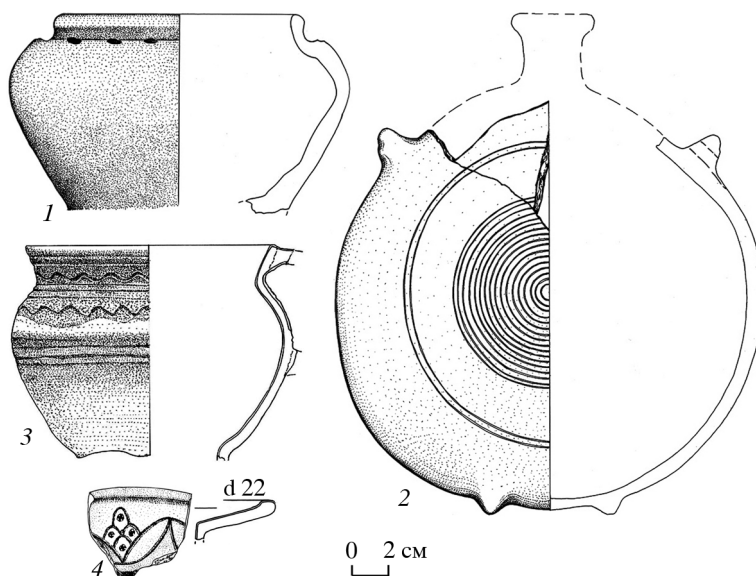

Рис. 4. Керамика XVII в.: 1 – красноглиняный горшок с примесью песка в тесте; 2 – чернолощенная фляга без примесей в тесте; 3 – красноглиняный горшок с зеленой поливой поверх белого ангоба; 4 – красноглиняная тарелка с зеленой поливой поверх белого ангоба (с врезным орнаментом).

для московского региона (например, продолжается использование дресвы как отошителя глины, хотя она составляет не более 3–4%)². Еще один такой признак – резкое ребро на плечике (рис. 4, 1). Керамика подобной профилировки встречается в первой половине XVII в. и в Дмитрове (Панченко, 2008. С. 276–284), но в нашем случае она продолжает существовать вплоть до первой трети XVIII в.

Среди столовой посуды наиболее распространена чернолощенная (26.9%) и поливная (19.9%). Наибольшей популярностью в это время пользуются чернолощенные кувшины и фляги (рис. 4, 2).

Одна из отличительных черт местной керамики XVII в. – обилие посуды с поливой. Преобладает красноглиняная керамика с прозрачной поливой зеленого цвета, положенной поверх белого ангоба, составляющая 65% и более от всего разнообразия поливной керамики этого времени. Часто такие горшки украшались по шейке и плечу орнаментом в виде чередующихся линий и волны, а тарелки и миски – врезным орнаментом (рис. 4, 3, 4).

На смену деревянной постройке к началу XVIII в. приходят конструкции Каменных палат (постройка 2), существовавшие до пожара 1762 г. Остатки палат расположены в северной части раскопа. Они представлены фундаментами стен и печей; конструкциями крыльца; ямой в одном из помещений, связанной с подпольем и с фрагментами сгоревших

деревянных конструкций пола в западной части постройки (рис. 2). К южной стене в западной части Каменных палат примыкает фундамент постройки 1 (Старый деревянный дворец), возведенный в 1749 г.

Конструкция фундаментов полностью выявлена не по всей протяженности, но на сегодняшний день остается неизученной лишь восточная часть постройки. Фундаменты стен ориентированы по сторонам света с небольшим отклонением к востоку, т.е. на магнитный север. Уровень обнаружения фундаментов постройки 2 в различных частях раскопа в целом сходный – от –75 до –115 см. Все фундаменты книзу сужаются. Высота фундаментов стен, в целом, составляет около 70 см, нижняя их часть сложена из крупного булыжника (до 30 см в поперечнике). После укладки в нижнюю часть фундаментного рва булыжник был скреплен известковым раствором; мощность этого слоя – до 40–45 см.

Выше шло несколько рядов кирпичной кладки. В фундаменте южной стены сохранилось два ряда кирпичей, положенных на ложок. В фундаменте западной стены помещения 3 кладка уложена в четыре ряда, из них нижний – на ложок. В восточной стене (перегородки) два нижних ряда положены на ложок тычком наружу, а выше – на постель. В фундаменте северной стены помещений 1–3 прослежено до четырех рядов кладки, из которых один – на ложок, и в конструкции остальных фундаментов фиксируется аналогичная система. Принцип кладки верхних рядов везде сходен – это чередование

² Для сравнения в Москве дресву перестают добавлять уже к концу XV в. (Чернов, 1991. С. 20–33).

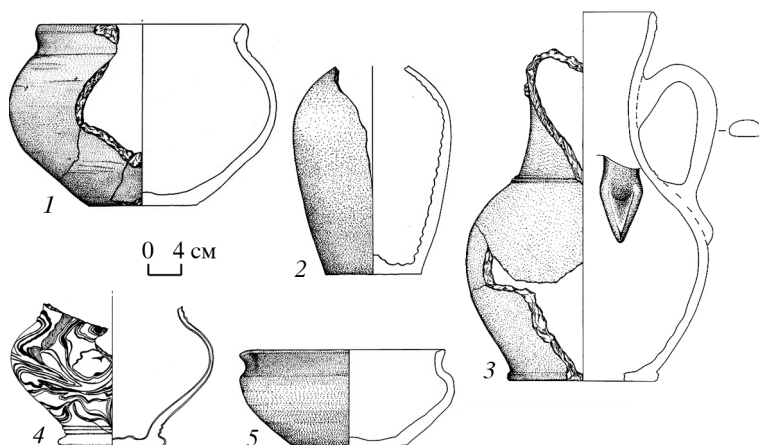

Рис. 5. Керамика XVIII в.: 1 – белоглиняный горшок с примесью песка в тесте; 2 – красноглиняная бутылка без примесей в тесте; 3 – красноглиняный кувшин с примесью песка в тесте; 4 – красноглиняный кувшин с мраморовидной росписью; 5 – красноглиняный горшок с примесью песка в тесте.

тычка и ложка (верстовая система). Верхние ряды кладок фундаментов перегородок практически везде, где они выявлены целиком, сильно смещены относительно нижних (в основном на запад). Поскольку фундаменты стен перегородок не строго перпендикулярны южной и северной стенам здания, а отклонены на несколько градусов, то, возможно, смещение верхнего ряда кирпичей (и самой стены) было призвано выправить ошибку разбивки.

Кроме фундаментов зафиксированы остатки отопительных сооружений – основания печей. В южной части помещений 1 и 2 изучены два таких фундамента. Печи стояли симметрично друг другу, имели сходные габариты (1,2 × 1,4 м). Их основания образованы кладкой шириной в два кирпича (около 35 см), идущей по периметру, и внутри заполнены грунтом, изобилующим кирпичным боем. Эти фундаменты зафиксированы на одном уровне с разделяющей их стеной перегородки между помещениями 1 и 2 и приложены к тому ярусу кладки стены, который уже смещен к западу относительно перегородки.

С этими печами связана обширная серия изразцов с рельефами на сюжеты из издания XVIII в. “Символа и Емблемата” (Эмблемы и символы, 2000). Для соотнесения сюжета с девизом на изразцах ставили соответствующий номер рисунка (по книге). Их технические особенности – высокий рельеф и графичность исполнения. Персонажи одеты в платье европейского кроя, выполнены в реалистической манере. Часть сюжетов не находит аналогий в книге, но художественное единство исполнения не оставляет сомнений в их принадлежности одной группе. Для изразцов печей, соотносимых с Каменными палатами, характерно покрытие непрозрачной бирюзовой поливой, однако другие

найденные в монастыре экземпляры с подобными изображениями бывают и полихромными, и без поливы.

В помещении 2 исследована подпольная яма, занимавшая его северную часть. Она четко вписана во внутреннее помещение и соответствует ему по пространственной ориентировке. Яма не распространяется на южную часть помещения, что тоже логично, так как там расположена печь. Уровень, с которого выкопана яма, соответствует времени до разрушения постройки 2. Таким образом, яма представляет собой остатки погреба или подполья в помещении 2. Она заполнена прослойками строительного мусора с большим количеством извести, но на дне ее нет следов крупного пожара, а из плана 1762 г. следует, что к этому времени помещения 1 и 2 уже погибли в пожаре. Следовательно, яма была заполнена раньше, чем помещения прекратили свое существование, тем более, что следы пожара (обгорелые бревна) фиксируются непосредственно над ней. Подполье было засыпано к середине XVIII в., что, вероятно, связано с изменением характера использования помещения. Стоит отметить, что засыпка подпола относится к моменту создания Старого деревянного дворца.

Яма обильно заполнена датирующим материалом: монетами первой трети XVIII в., многочисленными обломками голландских курительных трубок. Очень ярок и керамический комплекс. Для этого периода характерно улучшение качества глины. Так, на 12% увеличивается количество красноглиняной и белоглиняной керамики без примесей. Появляется фарфор и фаянс, при этом доля чернолощеной и поливной керамики немного сокращается – на 4% в сравнении с предыдущим периодом. Одна из местных особенностей – применение белого ангоба

на красноглиняной керамике (в это время в других регионах, например, в Москве ангобирование уже ушло в прошлое).

Комплекс показывает, что для первой половины XVIII в. характерно большое разнообразие форм и способов украшения посуды. Горшки стали более приземистыми, у некоторых из них появился слив. В качестве столовой посуды используются не только миски и кувшины, но и керамические бутылки (рис. 5, 2). На столовой посуде (кувшинах, мисках, тарелках и небольших крышечках), а также на вазонах появляется подглазурная роспись. При этом она делится на две группы. Первая представлена симметричными волнами, завитками, стилизованными цветочками или фруктами. Вторая сделана широкими мазками разноцветного ангоба (так называемая мраморовидная роспись) (рис. 5, 4). Региональная особенность этой техники заключается в ее использовании на сосудах из красной глины (в Москве и других регионах такая роспись служит украшением белоглиняной посуды). Еще одной особенностью является то, что не вся посуда, имевшая подобную роспись, покрывалась поливой.

Другое новшество этого времени – применение бирюзовой непрозрачной поливы, аналогичной изразцовой, но при значительно меньшей толщине покрывающего слоя.

Сооружение Старого деревянного дворца (постройка 1) (рис. 3) связано с визитом в монастырь императрицы Елизаветы Петровны в сентябре 1749 г. Она, великий князь Петр Федорович, великая княгиня Екатерина Алексеевна и множество высших государственных и придворных чинов несколько дней прожили в обители, отпраздновав здесь именины императрицы. В монастыре сохранилось описание этого события, из которого следует, что Елизавета Петровна со свитой располагались в государевом новопостроенном (специально по случаю приезда императрицы) деревянном одноэтажном дворце с каменными службами, который находился на лужайке в юго-западной части (Крючкова, 2009).

Остатки этой постройки расположены на участках 1–4, 7, 8 в виде фундаментов стен и печей (рис. 2). Постройке соответствует слой 2 раскопа 1, сформировавшегося в процессе возведения и разрушения дворца. Для удобства описания мы пронумеровали помещения. В раскоп 1 полностью попадает помещение 1 и частично – помещения 2–5. Помещения 6 и 7 попадают в раскоп только северными стенами (рис. 3). Фундаменты стен везде ориентированы по сторонам света с небольшим отклонением к востоку. Фундаменты постройки 1 выявлены на уровне от –100 до –120 см (за исклю-

чением небольших по протяженности отрезков на участках 7 и 8, где сохранились остатки белокаменной кладки цоколя: на участке 7 – один уровень камня, на участке 8 – два).

Благодаря двум разрезам (в восточной части участка 2 и в южной части участка 4, где сохранность фундаментов позволила сделать это без существенных потерь архитектурных элементов) удалось зафиксировать конструкцию фундаментов стен. Они обладали рядом характерных особенностей. Сначала был выкопан ров шириной 80–100 см (наиболее широкая часть рва, до 140 см, зафиксирована на участках 7 и 8) при глубине 70–100 см. Затем в нем на определенном расстоянии друг от друга были вертикально размещены деревянные столбы диаметром 20–35 см. Каким образом столбы были вертикально зафиксированы, на основании материалов раскопа сказать трудно: вероятно, их придавили с боков валунами и крупными обломками белокаменных блоков (в одном случае удалось зафиксировать мелкую, глубиной 20 см, ямку под такой столб, сделанную в дне фундаментного рва; ее диаметр совпадал с диаметром отверстия от столба в фундаменте). После установки вертикальных бревен нижняя часть фундаментного рва была залита известковым раствором, а далее ров был заполнен кирпичным боем, белокаменным щебнем и булыжником также с поливкой раствором.

На поверхность ленточного фундамента были уложены белокаменные блоки, размеры которых, судя по сохранившимся экземплярам и следам от них, сильно варьировались при стандарте, близком к 70 × 40 × 30 см. Кладка скреплялась известковым раствором. Прослежено до двух ее ярусов, но, возможно, в конструкции стен их было больше. К сожалению, отрезки сохранившейся белокаменной кладки коротки, и трудно судить о перевязке, но можно заметить, что снаружи в кладке чередовались торцы и боковые грани камней. Упорядоченность кладки, возможно, свидетельствует о том, что в этом уровне конструкция уже располагалась выше дневной поверхности. Однако когда кладка скрыта под землей, необходимость в строгой упорядоченности пропадает.

На участке 3 от этой кладки осталось только два блока, одна из сторон которых носит следы профильной тески и обращена внутрь помещения 1, что позволяет предполагать их вторичное использование. Возможно, они были взяты из иной постройки (например, из Ротонды: в современной Ротонде блоки с похожим профилем есть) или просто забракованы строителями и использованы позже в кладке нового фундамента. Прослеженные на участке 8 два ряда кладки сохранили заполнение

между внутренними и внешними блоками – белокаменный щебень, залитый известковым раствором. Промежутки различны, но не превышают 60 см. Таким образом, белокаменные блоки представляли цоколь деревянной постройки.

Деревянные столбы, которые были установлены при постройке фундамента, служили основой деревянной же конструкции: к ним с помощью скоб и гвоздей крепили нижний венец постройки. Всего выявлено 23 места их расположения. Во всех случаях, когда фиксировался угол фундамента, соответствующий углу стены помещения в постройке 1, в его конструкции присутствовал такой столб. Диаметр столбов не превышал 22 см, сами они имели плохую сохранность или не сохранились вовсе. Скорее всего, для столбов применялись хвойные породы дерева (ель, сосна), о чем свидетельствуют остатки смолы. Подобные столбовые (свайные) фундаменты с легкими стенами (деревянными, щитовыми, каркасными) используют под дома без подвалов с XVIII в. и до наших дней (Балашова, 2002). Необычно, но объяснимо, совмещение ленточного и столбового фундаментов: первый служил основой белокаменного цоколя дворца, второй – фундаментом под внешние и внутренние деревянные стены.

Помещения постройки 1 можно разделить на два типа: жилые комнаты, схожие по размеру (6.2×5.5 м) с печами (помещения 1, 2, 4–7), и зал (помещение 1) размером 14.7×8.4 м без отопительной системы. Из-за размеров зал имел некоторые конструктивные особенности: три линии бревен (читались в виде полос древесного тлена, четко зафиксированных только на участке 2) располагались в направлении В–З вдоль помещения 3. Устройство этой конструкции постройки 1 предполагало небольшие (до 20 см) продольные углубления (“канавки”) в нижележащем грунте. Они имели пологие стенки и узкое дно, повторявшее, по-видимому, контуры бревен. В них были заглублены, симметрично друг другу, камни неправильной формы шириной более 30 см, служившие опорой для положенных на них сверху бревен. Всего зафиксировано восемь пар таких камней, лежащих вдоль средней и северной канавок. Конструкции в южной канавке имели очень плохую сохранность и фиксировались скорее планиграфически и стратиграфически, чем по каменным и деревянным конструкциям. Все канавки расположены на равном расстоянии друг от друга – около 2.2 см; таково же расстояние от крайней с севера канавки до северной стены помещения 3. Канавки делят внутреннее пространство помещения 3 постройки 1 на четыре примерно равных части. Возможно, это остатки конструкции для лаг пола. Скорее всего,

именно здесь “при тихой итальянской инструментальной и вокальной музыке” вечером второго дня пребывания императрицы Елизаветы Петровны (5 сентября – день ее именин) состоялся бал, “который продолжался без танцев часа до первого по полуночи” (Крючкова, 2009).

Отопление помещений дворца, судя по плану 1762 г., сосредоточено в трех местах. Печи связывают попарно помещения 1 и 2, 4 и 5, 6 и 7. В раскоп попали два из трех узлов отопления. Их основания имели небольшую (до 30 см) мощность (уровень их фиксации в среднем выше уровня фиксации фундаментов стен постройки 1 на 20 см). Это скопления булыжника (редко кирпичного боя и белокаменного щебня), залитые известковым раствором. Основания печей расположены попарно и при этом везде разделены фундаментами стен постройки 1, причем между ними, в фундаментах стен, есть следы деревянных столбов, следовательно, в стенах не было проемов для размещения печей, выходивших в оба помещения. Таким образом, в постройке 1 было не три, а шесть печей, и располагались они попарно в соседних помещениях через стену друг от друга. Вероятно, печи имели сходные размеры, основания же под них по площади больше, чем сами отопительные сооружения.

Место входа в Старый деревянный дворец проследить не удалось. Вероятно, парадный вход был в центре восточного фасада и выходил в самое крупное помещение постройки 1. Важно, что с северной стороны на плане 1762 г. показаны два проема в стенах Старого деревянного дворца строго напротив аналогичных сквозных проемов в стенах помещений 1 и 2 Каменных палат (постройка 2). Это может означать, что дворец, по крайней мере, проектировали в момент, когда помещения постройки 2 были еще целы.

Постройка 1, вероятно, сильно пострадала в результате пожара 1762 г., после чего деревянные конструкции и часть белокаменных блоков цоколя были демонтированы. Низ фундаментов, т.е. кирпичный бой и щебень, залитые известковым раствором, в большинстве случаев остались нетронутыми (там, где их все же выбрали, образовались рвы, заполненные грунтом с материалом XIX в.).

С печами в постройке 1 связано несколько развалов гладких полихромных расписных изразцов, оставшихся при разборке сооружения. Все они происходят из одинаковых печных наборов, что говорит об одновременности оформления внутреннего пространства помещения.

Роспись изразцов принадлежит к стилю рококо, вошедшему в моду во Франции во второй четверти

XVIII в. К середине века он распространился и в России. Его излюбленные мотивы – трельяж (косая сетка, украшенная мелкими розетками) и раковина в форме веерообразно, причудливо извивающихся лепестков. Эти формы господствуют на лицевых, поясных и карнизных изразцах, а также на городках, колонках и полуколонках. Помимо них перемычки украшены бегущей волной и рисунком из перемежающихся косых полос. На изразцах из Нового Иерусалима мотив “косой сетки” заключен в причудливо изгибающуюся рамку-розетку, причем на всех изразцах середина пластины – пустая, а общий рисунок создается четырьмя объединенными в рамку полурозетками (при соединении изразцов вертикальные полурозетки соединялись по принципу коврового узора). Печь середины XVIII в. с такими изразцами сохранялась в северной трапезной Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря до 1941 г. Легко составить полное представление о ее аналогах в Старом деревянном дворце. При относительной простоте и повторяемости рисунка на изразцах архитектура самих печей сложна и включает колонки, полуколонки, карнизные элементы.

Керамика из слоев, связанных со временем существования постройки 1, представляет очень сложный для анализа комплекс материалов. Для этого времени мы не имеем больших ям, дающих статистически достоверную выборку материала. Керамика собрана в слое, который содержит большой процент переложного материала. Тем не менее статистика указывает на некоторые особенности керамического набора второй половины XVIII в. К ним относится преобладание горшков шарообразной формы без шейки с венчиком, образованным валиком, полученным путем заворота чернового края глины наружу. Поливная керамика не только зеленого и бирюзового цвета – активно применяется бесцветная и желтая полива. При этом в 20–30% случаях полива кладется без ангоба, что говорит об упрощении технологии. Среди столовой посуды возрастает доля фаянсов, частично вытесняющих красноглиняную поливную посуду. Чаше встречаются привычные нам тарелки и чашки, а также почти исчезнувшие из обихода супницы и соусницы.

Таким образом, в результате исследований прослежены три строительных этапа: первый связан со становлением монастыря в середине XVII в. и с возведением в нем жилых построек (следы отопительных конструкций зафиксированы в северной части раскопа 1); второй – с возведением Каменных палат в начале XVIII в. (их фундамент выявлен также в северной части раскопа 1), просуществовавших с некоторыми изменениями до 1762 г.; третий – с постройкой в 1749 г. Старого деревянного дворца (фундаменты в западной части раскопа 1). Это здание сосуществовало с 1749 по 1762 г. с Каменными палатами. После пожара 1762 г. обе постройки разобрали и на их месте возникла садово-парковая зона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балашова И.Б.* Жилая архитектура Вологды XVIII – первой половины XIX в. // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Вологда, 2002.
- Коваль В.Ю.* Статистическая обработка археологической керамики средневековой Москвы // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3. Тверь, 1999.
- Коваль В.Ю.* Исследование керамического материала // Средневековое поселение Настасьино. М., 2004 (Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН; Т. 2).
- Крючкова М.А.* Императрица Елизавета Петровна и Новый Иерусалим // Московский журнал. № 10. М., 2009.
- Панченко К.Ю.* Археологические исследования в подмонастырской слободке города Дмитрова и керамические комплексы XVI–XVII вв. // Археология Подмосковья. М., 2008 (Матер. науч. семинара; Вып. 4).
- Розенфельдт Р.Л.* Московское керамическое производство в XII–XVIII вв. М., 1968 (САИ; Е1-39).
- Чернов С.З.* К хронологии московской керамики конца XV – XVI в. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.
- Эмблемы и символы. М., 2000 (Репринтное издание книги “Символа и Емблемата”. Амстердам, 1705).